

Борис Колоницкий, Константин Годунов,
Константин Тарасов

Революция или хулиганство?

УЛИЧНОЕ НАСИЛИЕ В ПЕТЕРБУРГЕ В ИЮЛЕ 1914 ГОДА
В ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ¹

Boris Kolonitskiy, Konstantin Godunov, Konstantin Tarasov

Revolution or Hooliganism? Contemporaries' Interpretations of St. Petersburg Street Violence in July 1914

Б.И. Колоницкий (Европейский университет в Санкт-Петербурге, профессор / Санкт-Петербургский институт истории РАН, ведущий научный сотрудник; доктор исторических наук) kolon@eu.spb.ru.

К.В. Годунов (Европейский университет в Санкт-Петербурге, научный сотрудник; кандидат исторических наук) kgodunov@eu.spb.ru.

К.А. Тарасов (Европейский университет в Санкт-Петербурге, научный сотрудник; кандидат исторических наук) ktarasov@eu.spb.ru.

Ключевые слова: стачки, погромы, манифестации, Первая мировая война, культура насилия

УДК: 94(47):323.1“1914”
DOI: 10.53953/08696365_2024_189_5_154

В статье исследуются разные формы насилия во время забастовок, демонстраций и манифестаций, прошедших в Санкт-Петербурге летом 1914 года. На основании репортажей журналистов, полицейских отчетов, листовок, писем и дневников современников анализируются риторические тактики легитимации и осуждения насилия. Особое внимание уделено словам «хулиганы», «хулиганство», с помощью которых люди разных взглядов описывали виновников конфликтов.

Boris Kolonitskiy (Dr. habil.; Professor, European University in St. Petersburg; Head Research Fellow, St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences) kolon@eu.spb.ru.

Konstantin Godunov (PhD; Research Fellow, European University in St. Petersburg) kgodunov@eu.spb.ru.

Konstantin Tarasov (PhD; Research Fellow, European University in St. Petersburg) ktarasov@eu.spb.ru.

Key words: strikes, pogroms, demonstrations, World War I, culture of violence

UDC: 94(47):323.1“1914”
DOI: 10.53953/08696365_2024_189_5_154

This article investigates the various forms of violence that occurred during the St. Petersburg strikes and demonstrations in the summer of 1914. Using a range of sources including journalistic reporting, police accounts, leaflets, letters, and the diaries of those who witnessed these events, rhetorical tactics of legitimizing and condemning violence are analyzed. Special attention is given to the terms “hooligans” and “hooliganism,” which were used by people with differing perspectives to describe the instigators of these conflicts.

В июле 1914 года митинги и демонстрации петербургских рабочих переросли в массовую стачку, сопровождавшуюся столкновениями с полицией, став самым масштабным конфликтом со времен Первой революции. Стачечники швыряли камни, блокировали транспорт, громили трамваи и строили баррикады. Волнения происходили на фоне международного кризиса, вызванного убийством наследника венского престола. С середины июля в Петербурге на-

1 Статья подготовлена в рамках исследования, проводимого в Европейском университете в Санкт-Петербурге при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00369-П «Процессы легитимации насилия: культуры конфликта в России и эскалация Гражданской войны».

чались патриотические манифестации, во время одной из них толпа разгромила германское посольство и торговые заведения подданных враждебных государств.

Эти события давно стали предметом изучения. Советские историки преувеличивали масштабы и организованность рабочего движения, рассматривая стачки как результат большевистского руководства, и поддерживали концепцию «отложенной революции»: «Подъем революции был прерван мировой войной, в которой царское правительство искало спасения от революции»².

С конца 1950-х годов тезис о том, что власти пытались предотвратить революцию с помощью войны, оспаривался; отказ от курса на революцию связывался с продуманной позицией большевиков, считавших подобную тактику несвоевременной [История рабочих 1972: 458]. Исследователи, однако, продолжали утверждать, что развитие рабочего движения определялось большевиками.

Р. МакКин оспорил эти выводы, доказывая, что влияние большевиков и других революционных групп на стачечников было ограниченным [McKean 1990]. Дж. Нойбергер обратила внимание на взаимосвязь феномена хулиганства и социального протеста в 1914 году [Neuberger 1993]. В последние годы историки вновь обратились к изучению июльских забастовок и патриотических манифестаций [Аксенов 2018; 2020; Булдаков, Леонтьева 2015; Колоницкий 2010; Румянцев 2016; 2021; Kolonitskii et al. 2022].

В предлагаемой читателю статье мы рассмотрим, как переплетались разные формы насилия во время забастовок, демонстраций и манифестаций. В центре внимания будут описания насилия, риторические тактики его легитимации и осуждения в репортажах журналистов и полицейских отчетах, в листовках подпольщиков, в письмах и дневниках современников.

Нас интересует, в какой степени российская политическая культура и городская политическая традиция Санкт-Петербурга влияли на ход конфликтов. При описании разных акций насилия использовались слова «хулиганы», «хулиганство», поэтому мы уделяем им особое внимание, продолжая исследование Дж. Нойбергер.

Хулиганы и рабочие

В конце XIX века в английском языке появились слова «хулиганы» и «хулиганство»; публицисты, описывая «организованный уличный терроризм», искали причины новой социальной болезни [Pearson 1983: 74–116]. Модный англицизм был востребован и в России. Современник отмечал:

...слово «хулиган» вошло весело, без всякой трудности, не протискиваясь между другими словами, можно сказать, играючи, в русский язык. И как-то вдруг газетные столбцы стали наполняться целыми отделами, и статьями, и репортерскими отчетами о хулиганах и хулиганстве. Потом это слово перекинулось в деревню³.

Массовые газеты и юридические издания все чаще использовали слова «хулиганы» и «хулиганство», описывая различные преступления: от убийств до

2 История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / Под ред. комиссии ЦК ВКП(б). Л.: ОГИЗ, 1946. С. 153.

3 *Елпатьевский С.* Бесчинство // Русское богатство. 1912. № 5. С. 85.

непристойного поведения, а некоторые вызывающие действия хулиганов не считались преступлением. В отличие от профессиональных преступников, хулиганы прилюдно и вызывающе нарушали нормы закона и требования морали, открыто бросая вызов общественному порядку и социальной иерархии. Их насилие часто было внезапным, неспровоцированным и казалось безмотивным. Они пересекали реальные и символические рубежи, которые ранее ограничивали зоны уличного насилия. Хулиганов отличала манера говорить, одеваться, вести себя⁴.

Неологизмы отражали новые тревоги благополучных горожан, ранее защищенных от насилия низов. Страх перед хулиганством достиг уровня моральной паники перед нашествием орд новых варваров, угрожающих современной цивилизации. Некоторые же современники не противопоставляли хулиганство и городскую культуру, считая преступность неизбежным порождением бездушной и неестественной цивилизации. Петербург, центр и символ российской модернизации, был и олицетворением кризиса современности [Steinberg 2011: 154–159, 171].

Применение силы со стороны хулиганов и забастовщиков могло быть в равной степени жестоким, но оно отличалось по своему характеру. Насилие хулиганов часто было внезапным и безмотивным, нередко его жертвами становились женщины. Насилие стачечников было адресным, направленным против администрации, мастеров и штрейкбрехеров, против полицейских и жандармов. Оно применялось против штрейкбрехеров любого пола. Наконец, во время острых социальных конфликтов рабочие прибегали к формам насилия, недопустимым в «мирные» периоды.

Невский проспект притягивал и хулиганов, и стачечников. Рабочие стремились там провести демонстрации, сделав протестную акцию общегородским политическим событием. Для хулиганов же бесчинство на этой престижной территории было особенно заманчиво. Современники противопоставляли районы города: «Хулиганство, если не злоупотреблять словами, есть явление больших городов, тесно связанное с городским люмпен-пролетариатом, с контрастом между блестящими улицами городского центра и темными, смрадными окраинами»⁵.

Но оппозиция благополучного центра и беспокойных окраин не соответствовала угрозам, которые представляло хулиганство. В быстрорастущих новых районах комфортабельные дома соседствовали с жилищами бедноты. Да и в старых частях города были традиционные криминогенные зоны, прежде всего прилежавшие к рынкам и линиям железных дорог, а в огромных доходных домах жили люди разного достатка.

На дискуссии о хулиганстве повлиял опыт революции 1905 года, граница между политическими акциями и уголовными преступлениями становилась в это время менее ясной. Одни современники видели в действиях хулиганов стихийные проявления народного бунтарства, а другие криминализировали акции политических противников, именуя их хулиганством. В пропаганде со-

-
- 4 Тайны Петербургской стороны (С рисунками) / Составил на основании исторических и легендарных данных почет. гражд. Л.Ф. Соловьев. Вып. 1. СПб.: [Б.и.], 1908. С. 24; Громов В.И. Безмотивные преступления (По вопросу об ответственности за хулиганство) // Журнал министерства юстиции. 1913. № 5. С. 56–57.
- 5 Заславский Д. Борьба с хулиганством // Современный мир. 1913. № 1. С. 126–127.

циалистов и либералов слово «хулиган» употреблялось для описания участников антиеврейских и антиинтеллигентских погромов [Neuberger 1993: 44]. Консервативные деятели, а затем и некоторые либералы именовали различные проявления революционного насилия хулиганством⁶.

Эта дискуссия проявлялась в описаниях культуры рабочих и забастовок. Протестные акции сопровождались насилием, в котором нередко участвовали и хулиганы, среди них было немало подростков, но вряд ли насилие забастовщиков можно объяснить только воздействием хулиганов. «Кулачное право» было частью жизни городских окраин, насилие издавна было присуще и конфликтам на предприятиях, а агрессивность полиции способствовала его эскалации.

В начале 1910-х годов усилился интерес к теме хулиганства, слова «хулиган» и «хулиганство» получали еще более широкое распространение. Дж. Нойбергер отметила, как в петроградской прессе менялись и оценки хулиганства. Исследовательница пишет, что некоторые массовые газеты в 1905—1907 годах не ставили знака равенства между хулиганами и рабочими, но затем эта разграничительная линия стала размываться, хулиганство все чаще описывалось как признак дегенерации низших классов. Журналисты писали о хулиганах-рабочих, рабочих-хулиганах. Хулиганство связывалось именно с рабочими, хотя арестованные хулиганы были часто заняты поденной и неквалифицированной работой или являлись безработными. Немало среди хулиганов было и лиц без определенных занятий [Ibid.: 232].

Во время революции часть уличной прессы с симпатией относилась к рабочему движению. Даже осуждая насилие стачечников, журналисты находили смысл в их действиях. Затем хулиганство, бывшее признаком иррационального поведения, стало приписываться низшим классам. Различие между честно трудящимися бедняками и бедняками-преступниками сохранялось, но тема отсутствия культуры и отрицания ценностей цивилизации ассоциировалась с социальными низами, а различия в оценках хулиганов и бедноты размывалась. Бедняк все реже представлял жертвой, и все чаще — опасным агрессором [Ibid.: 234—246]. Это влияло и на отношение к революционному насилию и перспективам его использования. Дж. Нойбергер утверждает, что в 1912—1914 годах культура рабочих испытывала влияние хулиганства, оказав затем воздействие на революцию [Ibid.: 6]. Этот вывод нельзя считать доказанным, но историк права, когда отмечает чрезмерное использование дискурса «хулиганства», который все чаще применялся для описания социальных конфликтов. Традиция употребления слов «хулиган» и «хулиганство» делала неизбежным их использование для описания забастовок и демонстраций в июле 1914 года.

Забастовка

С 1 (14) июля 1914 года петербургские рабочие проводили митинги и стачки солидарности с нефтяниками Баку. Вечером 3 (16) июля на Путиловском заводе начался митинг, принятая им резолюция призывала к однодневной за-

6 Рябченко А.Е. О борьбе с хулиганством, воровством и бродяжничеством. СПб.: Тип. «Бережливость», 1914. С. 5; Благовещенский П.А. О борьбе с хулиганством: сообщение П.А. Благовещенского: из епархиальной жизни. СПб.: Синод. тип., 1914. С. 4, 6—7.

бастовке протеста. Раздался заводской гудок, рабочие потянулись к выходу, но путь им преградили городовые, которые при арестах использовали нагайки и шашки, а затем применили огнестрельное оружие. В ответ рабочие бросили «несколько камней»⁷. Вторым залпом, по сведениям социалистических изданий, двое рабочих было убито, около пятидесяти ранено⁸. По-видимому, эти газеты некритически отнеслись к слухам о стрельбе на поражение и способствовали их распространению. Бесспорно, однако, что среди рабочих имелись пострадавшие. Предприниматели объясняли забастовку действиями революционеров⁹. Правая печать утверждала, что конфликт искусственно создан социалистами, которые-де манипулируют несознательным «стадом»¹⁰.

Неуклюжие попытки полиции замолчать неприятные факты дали повод для новых слухов, настраивали общественное мнение в пользу рабочих. Социалистическая и либеральная пресса подозревала полицию в провокации, после Ленского расстрела 1912 года и дела Бейлиса этому готовы были поверить многие. Весть о «новой Лене» с негодованием встретили в рабочих кварталах.

4 (17) июля, по данным большевистской газеты, бастовало не менее 71 тысяч человек (до 18% промышленных рабочих города), на Выборгской стороне встали почти все предприятия [McKeap 1990: 301]¹¹. В большинстве случаев забастовщики спокойно расходились, иногда же стачки сопровождались демонстрациями, звучали революционные песни, видны были красные флаги. Демонстрации прекращались по требованию полиции, но порой рабочие оказывали сопротивление, швыряли камни. Городовые использовали холодное оружие, в двух случаях они стреляли¹². Власти официально признавали, что 4 (17) июля полиция стреляла на поражение¹³.

Насилие происходило и в самой рабочей среде: инициаторы стачки силой останавливали работы, колеблющихся избивали, но и те порой сопротивлялись. Немало людей не были готовы начать забастовку, но они шли навстречу призывам инициаторов стачек: угроза насилия воспринималась как оправдание для «вынужденного» участия в забастовке. Некоторые рабочие, прежде всего молодые, демонстрировали склонность к уличному насилию, стачка дала им возможность проявлять свою агрессию. В то же время не все стачечники участвовали в демонстрациях и не все демонстранты готовы были к противостоянию с полицией.

Разногласия в рабочей среде не ограничивались конфликтами между сторонниками стачки и ее противниками: одни выступали против перерастания забастовки в революцию, а другие желали этого. Некоторые бастовали, но не принимали участия в демонстрациях. Одни использовали революционную

7 Расстрел митингов путиловцев // Трудовая правда. 1914. 4 июля; На месте расстрела // Трудовая правда. 1914. 5 июля.

8 Кровопролитие на Путиловском заводе // Наша рабочая газета. 1914. 4 июля; Расстрел митингов путиловцев // Трудовая правда. 1914. 4 июля.

9 Российский государственный исторический архив. Ф. 150. Оп. 1. Д. 668. Л. 267.

10 Обо всем // Русское знамя. 1914. 6 июля.

11 Июльские волнения 1914 г. в Петрограде // Пролетарская революция. 1924. № 7 (30). С. 182, 191.

12 А. Ч. День кровавых столкновений // Петербургский листок. 1914. 5 июля.

13 [Б.а.] Июльские волнения 1914 г. в Петрограде // Пролетарская революция. 1924. № 7 (30). С. 192; Ведомость о происшествиях по городу С.-Петербургу 5-го июля 1914 года // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. Оп. 123. Д. 61. Ч. 2. Лит. А. Т. 2. Л. 136 об.

символику, других это отпугивало. Пожилые рабочие обычно были умеренными, им противостояла радикально настроенная молодежь. Подростки охотно участвовали в акциях насилия, но они не были инициаторами забастовок и демонстраций. В одних случаях несколько полицейских могли остановить большие толпы, не применяя оружия, а в других стачечники бросали вызов значительным нарядам городских.

В забастовке участвовали многие рабочие. Если суббота 5 (18) и воскресенье 6 (19) июля прошли без значительных выступлений, то с началом рабочей недели демонстрации приобрели большой размах, иногда в них участвовали тысячи человек, полиция сдерживала забастовщиков, рвавшихся в центр города¹⁴. На Выборгской стороне появились баррикады, стачечники защищали их, кидали камни, иногда стреляли из пистолетов. В забастовке участвовала значительная часть рабочих Петербурга: 7 (20), 10 (23) и 11 (24) июля число стачечников доходило до 110 тысяч, а 9 (22) июля достигло даже 117 тысяч [McKean 1990: 301]

В воскресенье наряды полиции были усилены казачьими подразделениями [История рабочих 1972: 457; McKean 1990: 306]¹⁵. Это способствовало эскалации насилия: военнотружущие в еще большей степени, чем полицейские и жандармы, были склонны к применению оружия. 7 (20) июля полицейские воздерживались от чрезмерного насилия, но иногда и они использовали огнестрельное оружие. Стреляли и казаки, при этом они вели огонь по окнам домов, порой страдали посторонние люди.

Советские исследователи полагали, что 7 (20) июля забастовки переросли в общегородскую всеобщую стачку, этот термин встречается и в синхронных источниках. Большая часть металлистов столицы, за важным исключением рабочих государственных заводов, действительно поддержала забастовку (до 80% работников отрасли не вышли на работу). Забастовка не оказала особого воздействия на повседневную жизнь центра, хотя возникали трудности с приобретением хлеба. Повысилась стоимость съестных припасов, а извозчики отказывались везти пассажиров на беспокойные окраины [McKean 1990: 302]¹⁶. Толпы продолжали нападать на трамваи, движение вагонов на окраинах города было приостановлено¹⁷. Все чаще в разговорах и в прессе звучало осуждение нападений на трамваи, которые являлись собственностью города и приносили пользу многим горожанам.

Большевики и некоторые другие социалисты призывали к трехдневной забастовке, которая должна была завершиться 7 (20) июля, но 8 (21) и 9 (22) июля стачка продолжилась. Не прекращались столкновения, строились баррикады. Полицейские и казаки применяли огнестрельное оружие, были раненные и убитые, жертвами становились случайные прохожие. Полиция блокировала мосты, предотвращая движение тысяч забастовщиков, устремившихся в центр. Многие представители правопорядка получили ранения [Ibid.: 308]¹⁸.

14 Рабочие беспорядки. Официальное сообщение // Голос Руси. 1914. 8 июля; Забастовки в столице // Петербургский листок. 1914. 8 июля; Июльские волнения 1914 г. в Петрограде // Пролетарская революция. 1924. № 7 (30). С. 182, 198.

15 Среди рабочих // Газета-копейка. 1914. 7 июля.

16 Забастовка булочников // Газета-копейка. 1914. 7 июля.

17 Рабочие забастовки и демонстрации // Колокол. 1914. 10 июля.

18 На Сампсониевском проспекте // Газета-копейка. 1914. 9 июля; Вчера в Петербурге // Газета-копейка. 1914. 10 июля; А. П-ий. Забастовки в столице // Петербургский листок. 1914. 11 июля; ГА РФ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 80. Л. 7, 8.

10 (23) июля Общество заводчиков и фабрикантов объявило локаут металлистов, начались увольнения. Уровень противостояния с полицией снижался, власти постепенно восстанавливали движение трамвая, казаки и полицейские предотвращали порчу рельсовых путей¹⁹. Все же ситуация оставалась сложной, были вызваны полки гарнизона из летних лагерей, в город вошла гвардейская кавалерия²⁰.

Хотя забастовка еще продолжалась, наблюдались признаки успокоения, многие рабочие пытались вернуться на предприятия. Полиция зафиксировала лишь несколько стычек забастовщиков с полицией²¹. Начальник Петербургского Охранного отделения телеграфировал товарищу министра внутренних дел: «Беспорядки считаю ликвидированным, новой вспышки их не ожидаю»²². Этот прогноз в целом оказался верным.

И для властей, и для предпринимателей, и для социалистов, и для городских обывателей масштаб забастовки и уровень насилия были неожиданными. Для объяснения этого использовались разные интерпретационные схемы.

Стачка не могла не сравниться с революцией 1905 года, а некоторые современники воспринимали забастовку как начало новой революции. В то же время слово «революция» ставилось порой в кавычки, тем самым подобное сравнение подвергалось сомнению. В частности, столичная жительница писала известному правому политику В.М. Пуришкевичу:

Вчера, 10-го, после ловкого и своевременного ареста забастовочного комитета, рабочее стадо сразу охладело и пошло на убыль, хотя предводители этой «второй революции», хулиганы и подростки, продолжают бесчинствовать. Сегодня из лагерей вернулись четыре кавалерийских полка и пехотный. Это производит на «революцию» впечатление ушата воды. Подводя итоги «революции», которая сегодняшним днем, вероятно, закончится, видим: забастовка поднята на чисто политической почве²³.

Для интерпретации забастовки привлекались и различные теории заговора. Некоторые конспирологические построения уже упоминались: немало современников верило в то, что полиция намеренно провоцировала рабочих на выступление. Люди же правых взглядов видели в движении результат провокации подпольщиков. Распространение получила и другая теория заговора: стачка якобы была делом рук агентов Германии и Австро-Венгрии, которые опирались на этнических немцев, живших в России.

Наконец, протестное движение описывалось как результат действий хулиганов. Сторонники такой интерпретации упоминали жестокие и иррациональные, с их точки зрения, действия забастовщиков. Речь шла о насилии и разрушении городской собственности. В некоторых текстах различные трактовки совмещались. Упомянутая корреспондентка Пуришкевича писала ему: «Рабочие сыграли позорнейшую роль бессмысленного стада, а громили город беспаспортные хулиганы, бродяги и школьники от 10—16 лет. Жители го-

19 Вчера в Петербурге // Газета-копейка. 1914. 11 июля; А. П-ий. Забастовки в столице // Петербургский листок. 1914. 11 июля.

20 ГА РФ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 80. Л. 21.

21 А. П-ий. Забастовки в столице // Петербургский листок. 1914. 12 июля.

22 ГА РФ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 80. Л. 25.

23 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 990. Л. 910 — 910 об.

рода, служащие и мирное рабочее население, как и следовало ожидать, оказались совершенно беззащитными перед хулиганским нашествием»²⁴. Описание забастовки как проявление культуры хулиганства часто встречалось в газетах всех направлений. Разнообразные действия забастовщиков — разгром трамваев, битье окон в фабричных цехах и т.п. — описывались как «хулиганские»²⁵.

Нельзя отрицать участие хулиганов во многих актах насилия, сопровождавших забастовку, но все же подобная трактовка представляется упрощенной. Движение вышло из-под контроля партийных организаций, отчасти это было следствием полицейских арестов. Молодые рабочие активисты, считавшие, что время для революции уже наступило, порой были инициаторами акций насилия, но вряд ли можно говорить о преобладающем влиянии хулиганов и доминировании культуры хулиганства в рабочих кварталах.

Патриотические манифестации

Забастовки на некоторых предприятиях Петербурга продолжались, когда 13 (26) июля в городе начались манифестации: в этот день истекал срок австрийского ультиматума, предъявленного Сербии, с утра горожане напряженно ждали вестей из Вены и Белграда.

Вечером на Невском начались манифестации, среди участников которых преобладали молодые мужчины — офицеры, студенты, гимназисты, рабочие, в толпе были и дамы. Двигались шествия к посольству Сербии, расположенному на Фурштатдтской улице. Оно, однако, находилось в опасной близости от посольства Австро-Венгрии на Сергиевской улице, к которому полиция не допустила манифестантов. В последующие дни толпы следовали схожим маршрутом: приветствовали сербских дипломатов, а затем безуспешно пытались пройти к посольству Австро-Венгрии. Манифестанты направлялись и к германского посольству на Исаакиевской площади, эти попытки также пресекались полицией. Чаще всего звучали лозунги «Да здравствует Сербия!» и «Долой Австрию!», но репортеры зафиксировали и крики «Да здравствует война!»²⁶.

Первоначально полиция пыталась вообще не допускать манифестации: действовал запрет на проведение публичных шествий, принятый во время забастовок в предшествующие дни. Однако, в отличие от стачечников, использовавших революционные символы, манифестанты несли национальные флаги и портреты царя, пели государственный гимн. Руководители полиции осознавали деликатность сложившейся ситуации, понимали, что запрет манифестаций чреват последствиями, поэтому они допускались, но не разрешались шествия к миссиям Германии и Австро-Венгрии. Власти первоначально не пускали манифестантов и на Дворцовую площадь, сакральный политический

24 Там же.

25 Вечернее время. 1914. 7 июля; Московские ведомости. 1914. 11 июля; Газета-копейка. 1914. 10 июля.

26 Новое время. 1914. 14 июля; Земщина. 1914. 13 июля; Вечерняя хроника // Голос Руси. 1914. 14 июля; Манифестации // День. 1914. 14 июля; Вчерашние манифестации в Петербурге // Петербургский листок. 1914. 14 июля; Манифестации в Петербурге // Речь. 1914. 14 июля; Патриотические манифестации в Петербурге // Колокол. 1914. 15 июля.

центр столицы. Полиция использовала силу и производила аресты, организовывались даже импровизированные баррикады, блокировавшие путь цепью остановленных повозок и автомобилей.

14 (27) июля в Петербурге прошли новые манифестации. В этот день возобновлялись работы на всех промышленных предприятиях, теперь они нарушались лишь выражением патриотических чувств — пением гимна в мастерских и обсуждением новостей²⁷.

15 (28) июля стало известно, что Австро-Венгрия объявила войну Сербии, на следующий день начались боевые действия. 18 (31) июля стало днем объявления мобилизации в России, 19 июля (1 августа) Германия объявила войну России, а 20 июля (2 августа) царь объявил в Зимнем дворце манифест о войне. Центром зарождения многих демонстраций становился угол Невского проспекта и Садовой улицы, где в окнах газетных контор вывешивали свежие новости. Шествия организовывались панславистскими объединениями, но они возникали и стихийно.

Состав участников манифестаций был разношерстным: офицеры, студенты, отставные военные, дамы. Студенты порой возглавляли шествия, образовывали цепи, придавая движению толпы характер организованной демонстрации. В газетах указывалось и на участие в манифестациях рабочих, присутствие которых демонстрировало атмосферу патриотического единства, преодолевавшую классовую рознь²⁸. Консервативные публицисты с умилением отмечали:

В огромной уличной толпе, предоставленной самой себе, нет ни одного проявления растленного хулиганства. <...> Вчерашний забастовщик, взывавший к «товарищам», нашел своих сограждан и сегодня уже говорит и чувствует, как истинный гражданин обновленной России²⁹.

Это суждение с сочувствием перепечатывали другие издания³⁰.

Манифестации происходили главным образом в центре: на Невском проспекте и прилегающих улицах, у памятников царям и полководцам, у казарм гвардейских полков. Символическое пространство города давало немало поводов для выражения патриотизма. Перед памятниками тысячные толпы становились на колени, а у православных церквей происходили публичные молебствия, особое значение имело пространство перед Казанским собором. Манифестанты стремились к сербскому посольству, а также к французской и британской миссиям. Толпы пытались пробиться и к посольствам враждебных держав, и полиция с трудом сдерживала их натиск³¹. Лишь несовпадение во времени шествий, умелое маневрирование силами жандармерии и полиции, и мастерство переговорщиков, продемонстрированное офицерами полиции, не допускали опасного конфликта.

27 А. П-ий. Патриотические манифестации // Петербургский листок. 1914. 15 июля.

28 Новое время. 1914. 14, 15 июля; Манифестации в Петербурге // Газета-копейка. 1914. 14 июля.

29 Половина победы // Новое время. 1914. 22 июля.

30 Обзор печати // Петербургский курьер. 1914. 23 июля.

31 Манифестации // Речь. 1914. 17 июля; Манифестации в Петербурге // День. 1914. 18 июля; Манифестации // Газета-копейка. 1914. 19 июля; Голос Руси. 1914. 19 июля; Патриотические манифестации // Петербургский листок. 1914. 19 июля; Манифестации // Речь. 1914. 19 июля; Патриотические манифестации рабочих // Голос Руси. 1914. 19 июля.

Патриотические манифестации происходили и в рабочих районах³². Их, однако, не пропускали в центр. Шествия происходили и в пригородах, хотя полиция в некоторых случаях пыталась их рассеять. За разгон демонстрации в Шувалово полицейские офицеры были преданы суду. Окружной суд приговорил пристава к заключению в крепость на два месяца, а его помощника — к аресту при тюрьме на два месяца³³.

Был ли этот случай исключительным? Имели место и иные столкновения патриотически настроенных манифестантов с полицией, которая применяла силу. Нам не известны, однако, другие случаи, когда офицеры полиции предавались суду. Возможно, это было связано с беспрецедентно жестоким поведением стражников, а может быть, свою роль сыграл высокий статус пострадавших. Насилие по отношению к простолюдинам не влекло таких серьезных последствий для полицейских.

Но и демонстрации в центре принимали характер, нежелательный для их организаторов. Газета сообщала: «Под предводительством подростков и подчас сомнительных на вид личностей манифестации разбрасываются по Невскому проспекту и боковым улицам, прекратив всякое движение»³⁴. Манифестанты прорывали цепи жандармов, пытавшихся регулировать движение толпы, иногда это сопровождалось ожесточенными стычками³⁵.

Скопления людей, затруднявшие движение транспорта, способствовали обострению криминогенной обстановки, число заявлений о кражах существенно возросло. «Озорство» ночных манифестантов встревожило городских обывателей, которые недавно читали в газетах о хулиганах-стачечниках, рвущихся в центр города. Власти решили не допускать после полуночи демонстрации, и толпы, в которых было немало подростков, рассеивались полицией, которая, впрочем, действовала «с большой осторожностью»³⁶.

В газетах появилось официальное объявление, задававшее рамку для проявления патриотического энтузиазма:

Не прекращающиеся повсеместно манифестации, все более многочисленные и происходящие даже в ночное время, побуждают правительство, вполне разделяющее этот патриотический порыв, вновь обратиться к населению с призывом соблюдать спокойствие и сдержанность и избегать проявлений возбужденного народного чувства, которые могут осложнить создавшееся положение³⁷.

Опасения властей были небезосновательны: объявление войны и начало мобилизации создавали новую психологическую ситуацию, можно было предвидеть, что действия манифестантов станут более агрессивными.

32 Патриотические манифестации рабочих // Голос Руси. 1914. 19 июля; Патриотические манифестации // Петербургский листок. 1914. 19 июля; Патриотические манифестации // Голос Руси. 1914. 22 июля.

33 ГА РФ. Ф. 102, делопроизводство 3. Оп. 112. Д. 44. Л. 329—331; День. 1914. 11 декабря.

34 Манифестации // День. 1914. 16 июля.

35 Манифестации в Петербурге // Газета-копейка. 16 июля. 1914; Манифестации // Речь. 1914. 16 июля.

36 Манифестации в Петербурге // Газета-копейка. 1914. 18 июля.

37 Официальное сообщение // Газета-копейка. 1914. 19 июля; Правительствоное сообщение // Голос Руси. 1914. 19 июля (1 августа); Призыв правительства к населению по поводу манифестаций // Петербургский листок. 1914. 19 июля.

Возбужденное настроение выражалось в насильственных действиях: манифестанты сопровождали партию запасных, шедших по Невскому проспекту. Позади запасных шла небольшая группа, кричавшая «Долой войну!» и певшая «Марсельезу». С криками «Изменники, предатели!» манифестанты бросились на противников войны и избивали их [Кириянов 1992: 72—73].

Некоторые люди левых взглядов осуждали манифестации, показательно, что они говорили о хулиганстве. Так, неизвестный автор письма, датированного 18 (31) июля, писал сотруднику «Русских ведомостей» И.Н. Игнатову: «В Петербурге — гнусные времена. На три четверти все манифестации — хулиганские, а что еще хуже, так это заражение рабочей среды националистическим духом. Мыльными пузырями разлетелись все успехи рабочей организации; впереди — новый громадный труд»³⁸.

Обвинения в хулиганстве, адресовавшиеся ранее стачечникам, теперь предъявлялись манифестантам.

Разгром германского посольства

Атмосфера была уже наэлектризована манифестациями предшествующих дней, когда 22 июля (4 августа) появились вести, что русские туристы и дипломаты в Германии подвергаются насилию, а поезд с вдовствующей императрицей Марией Федоровной, возвращавшейся в Россию, не был пропущен через Берлин. Матери царя пришлось ехать окольным путем³⁹.

Информация об оскорблениях русских дипломатов была опубликована во влиятельной газете под заголовком «Немецкое хулиганство»⁴⁰. Возник слух, что в Берлине толпа разгромила православную церковь посольства. Слух не подтвердился, однако нашел отражение на страницах газет [Аксенов 2020: 105]. Тема оскорбления России, которое невозможно оставить без ответа, звучала в прессе, в публичных выступлениях, в частных разговорах. Вечером громадная толпа двинулась по Невскому проспекту с криками: «Долой немцев!», «Долой Германию!». Люди шли с портретами императора и национальными флагами, звучал гимн.

На углу Невского и Садовой было разгромлено кафе «Рейтерн», которое манифестанты ошибочно считали принадлежащим немцу⁴¹. Потом манифестанты атаковали редакцию газеты «St. Petersburgische Zeitung» и немецкий книжный магазин. Толпа затем двинулась к германскому посольству, по дороге был разгромлен магазин венской мебели и выбиты стекла в венской булочной [Румянцев 2016: 70]⁴².

38 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 1.

39 Наглость германцев // Петербургский курьер. 1914. 22 июля; Безграничная германская наглость // Голос Руси. 1914. 22 июля; Голос Руси. 1914. 23 июля; Всеобщий подъем на защиту отечества // Там же.

40 Немецкое хулиганство // Русское слово. 1914. 24 июля.

41 Эксцессы // День. 1914. 23 июля; Н.В. Столичные заметки // Русское знамя. 1914. 24 июля; Разгром германского посольства // Речь. 1914. 23 июля; Разгром германского посольства // Колокол. 1914. 23 июля.

42 Эксцессы // День. 1914. 23 июля; Н.В. Столичные заметки // Русское знамя. 1914. 24 июля; Разгром германского посольства // Петербургский листок. 1914. 23 июля; Разгром германского посольства // Речь. 1914. 23 июля; Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербург (ЦГИА СПб). Ф. 569. Оп. 10. Д. 191. Л. 22.

Здание посольства, покинутое дипломатами, охранялось жандармами и полицией. Манифестанты все прибывали на площадь, газеты сообщали о 40 тысячах. Полицейские и жандармы отступили к посольству под напором толпы, по словам полицейского офицера, состоявшей преимущественно из «рабочих низшего класса и малолетних». С криками: «Ура!», «Долой немцев!» они стали закидывать здание булыжниками, а затем ворвались в него [Там же: 70—71]⁴³. С флагштока был сброшен германский герб, его место занял российский флаг. Медные статуи диоскуров, украшавшие здание, были повержены⁴⁴. Здание было подожжено⁴⁵.

В разгар погрома на площадь прибыл градоначальник князь А.Н. Оболенский во главе нарядов конной полиции и жандармерии. Полиция стала освобождать здание от дебоширов, хотя и не производила арестов. Часть толпы с царскими портретами и флагами направилась к Невскому проспекту, по дороге громились «немецкие» магазины [Там же: 70]⁴⁶.

Появились вести, что толпа двинулась к австрийскому посольству, значительные силы полиции были переброшены туда с Исаакиевской площади. Здание австрийской миссии удалось отстоять. Слух о том, что германское посольство горит, привлек на Исаакиевскую площадь новых людей, и вскоре толпа, видя незначительность оставшихся полицейских сил, вновь подошла к посольству. Манифестанты, среди которых было немало женщин, разбив окна, проникли в здание и учинили в нем новый погром. Лишь после возвращения на площадь усиленных нарядов полиции начались аресты, погромщики отбивались, швыряя камни. Полиция заняла здание, площадь была очищена около трех часов ночи.

Было задержано примерно сто человек, среди них преобладали «рабочие низших классов» и «малолетние». В большинстве своем они были работниками мелких мастерских и торговых предприятий, подмастерьями, мелкими служащими, официантами, прислугой. Встречались студенты и актеры. Промышленных рабочих среди арестованных было мало. Большинство погромщиков было молодыми людьми 17—25 лет [Аксенов 2020: 105; Румянцев 2016: 72—73]⁴⁷.

Газеты, однако, отмечали, что среди инициаторов шествия к посольству преобладала интеллигентно выглядящая публика. «Интеллигенты» наряду с прочими разворотили мостовую и швыряли камни в окна здания. Среди задержанных полицией было много молодых людей, которые выглядели как «хулиганы». Можно предположить, что полиция осторожно и выборочно производила аресты «чистой публики», зато без колебаний задерживала представителей городских низов [Аксенов 2020: 105—106].

43 Разгром германского посольства // Петербургский листок. 23 июля; ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 10. Д. 191. Л. 22.

44 Разгром германского посольства // Петербургский листок. 1914. 23 июля; Разгром германского посольства // Колокол. 1914. 23 июля; ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 10. Д. 191. Л. 22—22а.

45 Эксцессы // День. 1914. 23 июля.

46 Новое время. 1914. 23, 24 июля; Разгром Германского посольства // Газета-копейка. 1914. 23 июля; Разгром здания германского посольства // Петербургский курьер. 1914. 23 июля; Эксцессы // День. 1914. 23 июля; Разгром германского посольства // Речь. 1914. 23 июля; ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 10. Д. 191. Л. 22а.

47 Эксцессы // День. 1914. 23 июля; Разгром германского посольства // Речь. 1914. 23 июля; ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 10. Д. 191. Л. 22а.

Задержание погромщиков продолжалось недолго: секретная телеграмма столичного градоначальника предписывала «немедленно освободить всех задержанных за бесчинство и озорство в отношении здания германского посольства» [Румянцев 2016: 75—76]⁴⁸. Подобное решение можно объяснить сочувствием части общества погромщикам, судебное преследование «патриотов» могло повлечь нежелательные последствия.

Штурм немецкого посольства обеспокоил власти, они осознавали, что полностью контролировать патриотическое возмущение невозможно: Эрик Лор заметил, что «с самого начала войны государство столкнулось с определенной дилеммой. Оно желало поощрить патриотические манифестации и выражения воинственного энтузиазма, но при этом так же необходимо было поддерживать порядок» [Лор 2012: 23]. Неконтролируемые и буйные проявления патриотизма угрожали общественной безопасности и негативно влияли на репутацию империи. В постановлении, принятом на следующий день после разгрома посольства, столичный градоначальник напоминал о постановлении, воспрещавшем демонстрации⁴⁹. Тем самым ограничивались и возможности патриотической мобилизации — поддержание общественного порядка для властей было более приоритетной задачей.

У полиции, однако, появились и новые причины для беспокойств: рабочие окраины стали местом конфликтов между торговцами и возмущенными покупателями, особенно решительно проявили себя жены мобилизованных, недовольные скачком цен. Было разгромлено несколько базаров⁵⁰. Сочетание продовольственных бунтов и манифестаций могло привести к социальному взрыву.

Общество обсуждало разгром посольства и погромы немецких предприятий. Кадетская «Речь» решительно осудила «прискорбные эксцессы». Газета выражала надежду, чтобы «безобразные уличные сцены, в которых хулиганство пользуется вывеской патриотизма, больше не повторялись»⁵¹.

Отношение большей части печати можно назвать осторожным осуждением происшествия. Пресса разной ориентации использовала тему хулиганства. «Патриотически настроенный народ не должен обращаться в толпу хулиганов», — заявляла националистическая газета⁵². Ответственность за эксцессы возлагалась не на политические группы, создавшие в предшествующие дни условия для этого погрома, а на анонимных хулиганов, преступников и маргиналов. Черносотенная газета осуждала погромщиков:

К ночи манифестации приняли необузданный вид, получив окраску хулиганства. <...> Такие «манифестации» сулят нам впереди только анархию и не отражают глубокого, искреннего патриотического настроения. Несомненно, здесь большую роль сыграли провокаторы, эксплуатировавшие народное чувство⁵³.

Газета ставила под вопрос приверженность немецких дипломатов международному праву, возлагая на них ответственность за нагнетание атмосферы на-

48 ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 10. Д. 191. Л. 27.

49 Запрещение манифестаций // Новое время. 1914. 24 июля.

50 Разгром рынка // Газета-копейка. 1914. 26 июля; Бесчинства потребителей // Газета-копейка. 1914. 29 июля; Разные известия // Газета-копейка. 1914. 28 июля.

51 Прискорбные эксцессы // Речь. 1914. 24 июля.

52 Прискорбное событие // Голос Руси. 1914. 23 июля.

53 Манифестации // Земщина. 1914. 23 июля.

сия. Германских представителей обвиняли в подстрекательстве русских рабочих к беспорядкам⁵⁴.

Некоторые же современники считали разгром германского посольства проявлением патриотизма. Так полагал, например, В.В. Розанов⁵⁵. Писатель не был исключением, порой осуждалось само употребление слова «хулиганы» по отношению к погромщикам⁵⁶.

Заключение

Некоторые современники, а вслед за ними и историки, противопоставляли действия рабочих и манифестантов, акты насилия толпы оценивались по-разному. Большевицкая мемуаристика и советская историография противопоставляли организованные акции сознательных пролетариев погромам «шовинистов». Эту же оппозицию — с обратным знаком — использовали в 1914 году люди правых взглядов. Они осуждали хулиганство забастовщиков и с пониманием относились к разгневанным патриотам, громившим «немецкие» заведения. Однако нельзя не видеть связь этих форм насилия. Рабочий протест эпохи Первой мировой войны содержал изрядную долю германофобии, мишенью атак становились немецкие предприниматели, управляющие, инженеры. Антигерманские акции, сопровождавшиеся насилием, переплетались с развитой традицией рабочего протеста. Их сочетание представляло опасность для режима, наиболее яркий тому пример — антинемецкий погром в Москве в мае 1915 года. Это свидетельствует о революционном потенциале националистической и милитаристской пропаганды. Она выходила из-под контроля элит и могла быть направлена против режима. Полиция сочувствовала патриотическим манифестациям, но осознавала их опасность для общественного порядка и политической стабильности⁵⁷.

Разные группы городских низов были носителями политической культуры, которая допускала и оправдывала применение насилия по отношению к оппонентам и силам правопорядка. Полиция быстрее и охотнее применяла силу к рабочим и социалистам. Свою жестокость власти объясняли насилием, к которому прибегали революционеры и забастовщики. Власти допускали гораздо большую степень насилия по отношению к простолюдинам, чем к «образованной публике», поэтому манифестации, имевшие смешанный социальный состав, представляли для полиции особый вызов.

Широкое использование слова «хулиганы» для описания разных оппонентов и противников свидетельствовало о тактике криминализации политических оппонентов. Хулиганство представляло собой новое и сложное культурное явление. Исследователи уличного насилия особо выделяют в его развитии летние забастовки 1914 года, которые некоторые современники аттестовали как «революционное хулиганство» [Neuberger 1993: 256—271]. Культура хулиганст-

54 Вести и слухи // Земщина. 1914. 26 июля.

55 Розанов В.В. Война 1914 года и русское возрождение. Пг.: Тип. т-ва А.С. Суворина — «Новое время», 1915. С. 8, 13, 15, 31—32.

56 ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 10. Д. 188. Л. 138.

57 О связи патриотической экзальтации с социальной агрессией, опасной для государства, пишет современный исследователь [Sanborn 2000].

ва могла проявляться и во время патриотических манифестаций, это слово использовалось для их описания. Во время Февральского восстания 1917 года движение жителей окраин в центр носило политический характер, однако порой сопровождалось «хулиганскими» действиями, в которых были замешаны прежде всего молодые люди и подростки. В отличие от забастовок 1914 года, после свержения монархии такие акции описывались большой прессой как революционные, а не хулиганские. В этом проявлялось иное отношение горожан к стачечникам: в 1917 году забастовщики ощущали сочувствие, а иногда и поддержку других групп населения.

Связь феномена хулиганства с политической культурой рабочих и культурно-политической топографией города проявлялась в действиях забастовщиков, манифестантов и полицейских. Забастовщики, следуя традиции политического протеста, пытались прорваться в центр города, но полиция сдерживала это движение при сочувствии горожан, опасавшихся нашествия «хулиганов». Патриотические же манифестации начались в центре города. Полиция сначала пыталась предотвращать их, но затем ограничилась недопущением манифестантов к посольствам, предотвращением погромов, локализацией патриотических манифестаций, возникших на городских окраинах. Некоторое время эти задачи удавалось решать, но в конце концов полиция не смогла противодействовать толпам, которые громили «немецкие» торговые заведения, а затем штурмовали германское посольство.

Горожане, которых современники именовали хулиганскими, были активными участниками конфликтов, сопровождавших стачки, демонстрации и манифестации. Среди них было очень много молодых людей и подростков. Вместе с тем осуществляли насилие и противостояли полиции и те мужчины и женщины, которых в обычное время никто бы не назвал хулиганскими. Вряд ли силовое противостояние можно объяснить влиянием культуры хулиганства, хотя именно такая интерпретация предлагалась современниками разных взглядов. Корни уличного насилия, получавшего политическую легитимацию, были разнообразными.

Библиография / References

- [Аксенов 2018] — Аксенов В.Б. Патриотизм-1914: от историографических противоречий к поиску психологической структуры // Историческая экспертиза. 2018. № 3. С. 232—252.
- (Aksenov V.B. Patriotizm-1914: ot istoriograficheskikh protivorechiy k poisku psikhologicheskoy struktury // Istoricheskaya ekspertiza. 2018. No. 3. P. 232—252.)
- [Аксенов 2020] — Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914—1918). М.: Новое литературное обозрение, 2020.
- (Aksenov V.B. Slukhi, obrazy, emotsii. Massovye nastroyeniya rossiyan v gody voyny i revolyutsii (1914—1918). Moscow, 2020.)
- [Булдаков, Леонтьева 2015] — Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. М.: Новый хронограф, 2015.
- (Buldaikov V.P., Leont'yeva T.G. Voyna, porodivshaya revolyutsiyu. Moscow, 2015.)
- [История рабочих 1972] — История рабочих Ленинграда. 1703—1965: В 2 т. / Отв. ред. В.С. Дякин. Т. 1: 1703 — февраль 1917. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1972.

- (Istoriya rabochikh Leningrada. 1703—1965: In 2 vols. / Ed. by V.S. Dyakin. Vol. 1: 1703 — fevral' 1917. Leningrad, 1972.)
- [Кирьянов 1992] — *Кирьянов Ю.И.* Демонстрации рабочих в 1914 — феврале 1917 г. // Рабочий класс капиталистической России (Сборник обзоров) / Отв. ред. Ю.И. Кирьянов, В.М. Шевырин. М.: ИНИОН, 1992. С. 67—109.
- (Kir'yanov Yu.I. Demonstratsii rabochikh v 1914 — fevrale 1917 g. // Rabochiy klass kapitalisticheskoy Rossii (Sbornik obzоров) / Ed. by Yu.I. Kir'yanov and V.M. Shevyrin. Moscow, 1992. P. 67—109.)
- [Колоницкий 2010] — *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
- (Kolonitskii B.I. "Tragicheskaya erotika": obrazy imperatorskoy sem'i v gody Pervoy mirovoy voyny. Moscow, 2010.)
- [Лор 2012] — *Лор Э.* Русский национализм и Российская империя: кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
- (Lohr E. Russkiy natsionalizm i Rossiyskaya imperiya: kampaniya protiv "vrazheskikh poddannykh" v gody Pervoy mirovoy voyny. Moscow, 2012.)
- [Румянцев 2016] — *Румянцев А.Г.* Разгром германского посольства в июле 1914 года — мифы и реальность // Петербургские военно-исторические чтения. Межвузовская научная конференция, 20 марта 2015 г. / Отв. ред. А.Б. Николаев. СПб.: [Б.и.], 2016. С. 67—77.
- (Rumyantsev A.G. Razгром germanskogo posol'stva v iyule 1914 goda — mify i real'nost' // Peterburgskie voenno-istoricheskie chteniya. Mezhvuzovskaya nauchnaya konferentsiya, 20 marta 2015 g. / Ed. by A.B. Nikolaev. Saint Petersburg, 2016. P. 67—77.)
- [Румянцев 2021] — *Румянцев А.Г.* Рабочее движение в Петербурге в преддверии Первой мировой войны глазами чинов полиции // XVI Петербургские военно-исторические чтения: Всероссийская научная конференция. Санкт-Петербург, 25—26 сентября 2020 года / Отв. ред. А.Б. Николаев. СПб.: [Б.и.], 2021. С. 86—103.
- (Rumyantsev A.G. Rabochee dvizhenie v Peterburge v predverii Pervoy mirovoy voyny glazami chinov politzii // XVI Peterburgskie voenno-istoricheskie chteniya: Vserossiyskaya nauchnaya konferentsiya. Sankt-Peterburg, 25—26 sentyabrya 2020 goda / Ed. by A.B. Nikolaev. Saint Petersburg, 2021. P. 86—103.)
- [Kolonitskiy et al. 2022] — *Kolonitskiy B.I., Godunov K.V., Tarasov K.A.* Strikes and Demonstrations, Manifestations and Pogroms: Violence on the Streets of St. Petersburg (July 1914) // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2022. Sci. 92. Suppl. 11. P. 1024—1033.
- [McKean 1990] — *McKean R.* St. Petersburg between the revolutions: Workers and revolutionaries, June 1907 — Febr. 1917. New Haven; London: Yale University Press, 1990.
- [Neuberger 1993] — *Neuberger J.* Hooliganism: Crime, Culture and Power in St. Petersburg, 1900—1914. Berkley; Los Angeles: University of California Press, 1993
- [Pearson 1983] — *Pearson G.* Hooligan: A History of Respectable Fears. London: Macmillan Press, 1983.
- [Sanborn 2000] — *Sanborn J.* The Mobilization of 1914 and the Question of the Russian Nation: A Reexamination // Slavica Review. Vol. 59. No. 2. P. 267—289.
- [Steinberg 2011] — *Steinberg M.D.* Petersburg. Fin de Siècle. New Haven; London: Yale University Press, 2011.